

Юра Гапонов

О Ф И Ц И А Л Ь Н А Я      Б У М А Г А

Настоящий документ выдан владельцу паспорта серии.....  
№ ..... тов. *Чекалину С.* в том, что он/а/ поступи-  
ла в оперную студию "Архимед" в период её образования и тем самым  
является одной из исторических личностей, видевших молодого Гапо-  
нова.

С момента получения данной бумаги *Чекалин С.* охраняется  
государством, как любой мало-мальски ценный памятник старины.

С вышеуказанного момента *Чекалин С.* обслуживается без  
очереди во всех торговых и зрелищных заведениях и предприятиях  
службы быта по предъявлению очереди этой бумаги и с согласия оче-  
реди.

Общество "Охраня памятников старины" обеспечивает *Чекалину С.*  
бесплатный проезд в багажном вагоне.



главный режиссер студии "Архимед"

*Ю. В. Гапонов*

/Ю. В. Гапонов/

Эта бумага с подписью Юры Гапонова хранится у меня давно, больше сорока лет. Я действительно познакомился с ним, когда ему было около тридцати. Но молодым он оставался всегда, поэтому его скоростижный уход оказался для всех абсолютной неожиданностью – Юра был бодр и полон планов.

Гапонов известен, как выдающийся физик-теоретик. Не берусь рассказывать о его профессиональной научной деятельности, т.к. наши научные интересы были чрезвычайно разными. Кроме того, Юра был очень скромн и не имел привычки рассказывать при каждом удобном случае о своих достижениях. Помню только, как он однажды похвастался, что придумал, как взвесить нейтрино.

И еще как-то раз обмолвился мимоходом, что у него на столе лежат 14 начатых работ, что меня тогда совершенно поразило. Юра активно общался с сыном знаменитого Нильса Бора Оге Бором (тоже нобелевским лауреатом), ездил к нему работать и серьезно мечтал поставить у него в Копенгагене оперу «Архимед».

Научным хобби Гапонова была история атомного проекта, которой он был очень увлечен. Юра часто читал по этому поводу лекции в разных местах, в том числе и в нашем городе Троицке. Как-то после лекции он заскакивал к нам на чашку чая.

У меня большинство воспоминаний о Юре ассоциируется именно с физфаковскими операми, которым он посвятил большую часть жизни, особенно с «Архимедом». Очень много по этому поводу написано в замечательной книге Светы Ковалевой «Ты помнишь, физфак», но у меня есть причина привести свои впечатления об этой стороне деятельности Гапонова. Как это ни парадоксально, я и в физику попал только благодаря «Архимеду». Начиная с премьеры праздника Архимеда и одноименной оперы в мае 1960 года, это явление играло весьма существенную роль в моей жизни. Я заканчивал школу, но в свои 16 лет еще совершенно не определился, что буду делать после окончания. Мне нравилось заниматься спортом, участвовать в соревнованиях, но особенно больших высот я в этом не достиг, хотя имел около десятка разрядных книжек. И еще больше я любил (да и сейчас люблю) болтаться по лесным и полевым дорогам, добираясь до незнакомых мест, и пялиться при этом во все стороны просто так, ни о чем не задумываясь. Так что я думал поступать либо в физкультурный, либо в институт с каким-нибудь геологическим или географическим уклоном. Мой старший брат Коля, учившийся уже на третьем курсе физфака, и его однокурсники считали идею поступления в физкультурный абсолютной дурью. Разницу между студентом физфака и физкультурного при этом легко объясняли на пальцах: кукиш большим пальцем вниз – студент физфака, если пальцем вверх – студент физкультурного. Из этого я должен был уяснить соотношение объемов мозгов в голове и остальной части тела для обоих. И все в один голос твердили мне, что поступать надо только на физфак. Но я все же оставался при своем мнении, считая, что на физфаке учатся уж слишком умные (или вообще заумные), к коим себя не относил.

И вот в один из солнечных майских дней Коля взял меня с собой в МГУ, где должен был проходить первый праздник Архимеда и премьеры оперы с тем же названием. Как я узнал много позже, Юра Гапонов был идейным вдохновителем культа Архимеда и одним из главных организаторов этого праздника. Я вообще не любил оперу и с трудом поддавался на уговоры. Так и поехал туда в школьном кителе, застегивающимся наглухо до самого подбородка. Попав в собравшуюся у ступеней физфака толпу празднующих, я вместе с окружающими пытался расслышать и понять, что говорилось со ступеней. Хотя это мне в основном не удавалось, но взрывная реакция этой публики на какие-то непонятные мне высказывания со ступеней заразила, и я тоже смеялся и орал что-то со всеми. Вскоре я начал чувствовать себя частью собравшихся и по окончании действия у ступеней двинулся вместе с толпой (вернее, меня понесло потоком) к железным воротам с правой стороны от клубного входа. Дальнейшее напоминало кадры про взятие Зимнего из какого-то революционного фильма. Я не знаю, открыл ли кто ворота, или они открылись под напором массы народа, но я никогда впоследствии не видел их открытыми. В клубе на входе дежурил мой брат Коля вместе с другими ребятами из ОКО (Оперативный Комсомольский Отряд), проверявшими билеты. Меня тоже привлекли к этому делу, так что к началу оперы мой китель уже недосчитывал нескольких пуговиц и был сильно помятым. Зал ДК МГУ был

забит полностью. Мне с трудом удалось пристроиться на ступеньках в проходе, подстелив под себя газету.

Шум и гвалт сразу смолкли, когда раздалась аккорды знакомой мелодии «Мы идем по Уругваю», появился ведущий и начал читать текст. Весь остаток спектакля мое внимание целиком было приковано к сцене. Хотя накладок у исполнителей было много, это не повлияло на колоссальность произведенного на меня впечатления. Особый восторг - танцующие девочки (как выяснилось позже Ковалева, Пучкова и Щеголькова) и, конечно, Бахус.



Праздник Архимеда, 7 мая 1960 г.

После этого праздника и просмотра оперы я твердо вознамерился поступать на физфак. Так что в этом есть и заслуга (или вина?) Юры Гапонова, хотя познакомились мы с ним гораздо позже. До сих пор кажется странным, что удалось поступить и даже закончить, а потом работать по специальности и дослужиться до доктора наук.

После первых трех курсов я регулярно выезжал на летние работы по комсомольским путевкам, но комсомольского начальства факультета не знал никогда. Поэтому я ничего не знал о Юре, даже когда он был секретарем комитета комсомола и главным организатором следующего праздника «Архимеда», на котором присутствовал Нильс Бор. Фамилию Гапонов я впервые встретил в записной книжке моего сокурсника Алика Катамахина. Он записывал туда песни, и около некоторых стояли фамилии, означавшие, по-видимому, людей, от которых эти песни услышал. Алик еще на первом курсе пристроился к опере «Архимед» и конечно знал Юру. Для меня опера тогда казалась чем-то высшим и недоступным. Я ходил на все спектакли, а участвовать в них самому мне не представлялось сколько-нибудь реальным. Но случилось так, что в 1962 году после выступления в ЦДРИ, где для оперы был устроен грандиозный банкет с участием Константина Симонова, тот коллектив распался (или был распущен – я не знаю точно, а Ковалева в своих воспоминаниях об этом не пишет). И вот осенью 1963 года

после поездки на летние работы в Пущино по инициативе Валеры Рагульского возник новый коллектив, состоявший в основном из моих однокурсников.

Сначала собирались в гостиной зоны «Б» и разучивали хоры из оперы «Архимед». Дирижировал нами Витечка Логинов, у которого был приятный и довольно звучный тенор. Был ли аккомпанемент, я точно не помню – скорее всего,



Репетиция хора с В.Логиновым. Ленинград 1964 г.

пели «всухую». Именно этот период обозначен в книге Ковалевой, как создание Гапоновым студии «Архимед», хотя Юра Гапонов в этих действиях не участвовал (да его и мало кто знал), и никто еще нами не руководил. Тогдашний физфаковский партком отнесся к этому начинанию весьма благожелательно, так что через несколько месяцев мы уже дали спектакль на сцене ДК МГУ. Режиссер – Степан Солуян появился только на несколько часов на генеральной репетиции, но этого оказалось достаточно для успеха первой и последующих постановок.

Я больше года играл в опере, когда решено было поставить «Серый камень», который стал уже вторым этапом в жизни этого коллектива. Вот тогда-то у нас появился постоянный режиссер - Юра Гапонов, один из соавторов оперы. Тогда же в оперу пришел и Володя Захаров – наш лучший и почти бессменный аккомпаниатор, и еще много народу с его курса. Отчасти это произошло потому, что девушки с нашего курса были их шефами. Репетиционный процесс проходил точно так же, в гостиной общежития зоны «Б». Вскоре первое действие было показано в ДК МГУ. А первый спектакль у нас был на выезде, в Ленинграде. Это выступление было режиссерским дебютом Юры в «Сером камне». Надо сказать, что, хотя у него был прекрасный слух и неплохой голос, и я даже несколько раз был свидетелем, как он подходил к пианино и что-то играл, Юра почти никогда не принимал участия в выступлениях в качестве артиста. Правда, пару раз он по необходимости выступал в роли Бахуса. Однако в подавляющем большинстве спектаклей Юра либо читал текст, либо руководил за кулисами. По-видимому, ему было трудно превозмочь себя и изображать какого-либо персонажа. Он оставался всегда Юрой Гапоновым – скромным, внимательным, готовым помочь, что часто

не соответствовало характеру роли. Но, тем не менее, он хорошо представлял и мог достаточно четко объяснить, как надо играть ту, или иную роль. Здесь, впрочем, он никогда не настаивал на своей версии и чаще, наоборот, очень поддерживал идеи самого исполнителя. Так было и со мной на первом спектакле «Серый камень», где мне совершенно неожиданно выпало попасть в солисты вместо Сережи Никитина, уже известного барда. Это был сольный выход, поэтому репетиций для него не устраивали. Но Сережа почему-то не смог с нами поехать, а в афишах было написано, что он будет участвовать в спектакле и исполнять роль Кола (последнего персонажа в параде отметок, жалобно сетующего, что для



Кол (С.Чекалин). Ленинград (слева), ДК МГУ (справа), 1965 г.

него не нашлось места в вузе). На месте пришлось срочно искать замену. И вот тогда я с подачи наших девушек впервые попал в солисты. Времени на репетиции не было, спектакля я раньше не видел, так что надо было срочно понять смысл этой роли. Юра сумел втолковать мне это за оставшийся вечер. Проблема возникла в отсутствии рваной тельняшки, в которой я по идее должен был выходить на сцену, но мы решили, что я выйду в своем длинном плаще и в шляпе. Спектакль прошел успешно, а я так и прижился на этой роли. Позже, после выступления в ДК МГУ на каком-то юбилее ССО, ко мне подошел Сережа Никитин и сказал: «Хорошо сделал Кола!». Это было очень лестным для меня.

После одного из спектаклей в ДК МГУ Юра пригласил гениального режиссера и постановщика всех физфаковских опер Степана Солуяна обсудить новую режиссуру «Серого камня». Степан был довольно скуп на похвалы, но особо отметил найденное Юрой решение выхода на сцену девушек-дружинниц в



русских сарафанах с хором «Девушки красавицы». На вопросы по поводу арии Кола, считавшейся участниками оперы одним из самых выигрышных моментов спектакля, Солуян ничего не ответил.

У Гапонова было очень много друзей и знакомых в различных научных центрах Советского Союза. Он активно использовал эти знакомства для пропаганды «физического искусства», и нас довольно часто приглашали выступить с оперой. С «Серым камнем» мы выступали еще несколько раз в том же году. Конечно, на сцене ДК МГУ и еще летали в Таллинн (это я хорошо запомнил, т.к. во-первых, перед отъездом сжег диффузионный насос в лаборатории, а во-вторых, я впервые в жизни летал самолетом).



«Девушки-красавицы», ДК МГУ, 1965 г.

Вскоре были поставлены еще две оперы: «Архимед» и «Дубинушка». С этими операми мы в феврале 1967 года выезжали в Новосибирск на гастроли – единственные за всю историю опер физфака. Это был период расцвета оперной студии. С хором занимались уже профессионалы: Ольга Лебедихина и Ольга Христинич. В гостиной «Б8» с увлечением репетировали балетную увертюру, где танцевали «страсти», одолевающие главного героя: учеба, общественная работа и любовь. Состав солистов был очень представительный: Витя Дубинчук, Юра Рыбаков, Виталий Коляда, Люба Богданова (была солисткой ГАБТ). У меня в Новосибирске был дебют в роли божьего отпрыска, но, по моему, неудачный. Юра долго объяснял мне, как вести себя на сцене, но я все время чувствовал, что это не моя роль, и, как бы в подтверждение этого, в самый главный момент общения с Архимедом во время выступления с меня свалился парик. Позже эту роль с блеском исполнял Толя Прохоров. Он привнес в нее много своего, вплоть до танца и нового куплета. И успех его выступления во многом определялся поддержкой новых идей главным режиссером Юрой Гапоновым.

За время существования этого коллектива было несколько сотен выступлений в разных научных и ненаучных центрах перед самой разнообразной аудиторией. Гапонову удалось даже организовать выезд оперы за границу – в Польшу. Где бы мы ни выступали, опера всегда проходила с неизменным

успехом. После окончания спектакля все участники выстраивались на сцене и, попросив присутствующих в зале встать, исполняли гимн физфака «Дубину».

Самым нетривиальным по сценическим условиям было выступление в Тымовске на Сахалине в 1969 году. Я работал в стройотряде в поселке Ясное вблизи Тымовска на строительстве брусового домика. И вот, когда, перекрыв крышу, мы занимались полами (точнее, занимался я, как специалист по «половым вопросам»), к нам приехал Юра Гапонов, посещавший поочередно все сахалинские отряды по приглашению Письменного. Эта поездка была для него поощрением за былую стройотрядовскую деятельность, но Юра решил заодно собрать всех архимедовцев, находящихся в разных отрядах, и поставить оперу во время традиционного мероприятия, посвященного дню строителя. При этом, в отличие от предыдущего и следующего года, когда отдельный отряд ставил на



Переключка в автобусе (выезд в Пущино, 1973 г.)



«Дубина» (Ю.Гапонов, Г.Иванов, 1970 г.)

месте своего пребывания какое-либо одно действие «Архимеда» (обычно второе), Юра решил поставить всю оперу целиком. Репетировать возможности не было, поэтому вся сборная команда «артистов» встретилась только перед выступлением уже на месте. Из солистов на Сахалине оказались только мы с Геней Ивановым и Ира Сокольская (Гена работал в Победино, а мы с Ирой – в Ясном). У нас Гапонов пробыл два дня. Заходил на наш домик и даже забил несколько гвоздей в пол. Ира в это время работала в Чирвунде на выезде, и для того, чтобы забрать ее на спектакль, Гапонову пришлось протопать пешком 30 км. В нашем отряде было довольно много участников оперы «Архимед», певших в хоре (Скворцов, Любимов, Миша Польских и кто-то еще). Но самой главной проблемой было отсутствие аккомпанемента. Никаких иллюзий насчет наличия рояля на стадионе, где мы собирались выступить, не было даже у оптимиста Гапонова. И вот во время визита в наш отряд Гапонов по совету Иры привлек в качестве аккомпаниатора Леню Эрдмана. Леня в свое время учился в консерватории и мог играть на разных инструментах, но с собой у него была

только гитара. Не могу сказать, что он играл на ней блестяще, но аккомпанемент к любой мелодии он исполнял мгновенно. Леня всегда пел по вечерам у костра, и у него было много своих замечательных песен.

День строителя и показ оперы «Архимед» на стадионе в Тымовске был одним из самых замечательных событий того Сахалина (да, наверное, и всей истории «Архимеда»). Правда, у нас с Геней Ивановым остались несколько разные воспоминания о спектакле. Вот точная магнитофонная запись его рассказа, переданная мне Андреем Харламовым:

“Гапонов был награжден комитетом комсомола поездкой на Сахалин. Развлекся, икорки покушать там, рыбки красной, понимаете, он был награжден поездкой на Сахалин, в 69 году. Приезжает Гапонов на Сахалин. Я вот сижу там под Тымовском недалеко, вламывается Гапонов и говорит: «Гена, ты знаешь, что в воскресенье ставим «Архимеда»?» Я говорю: «Где, с кем, на чем?» – «А знаешь, тут Чекалин недалеко, Саша Холодных там недалеко, вот, на празднике строительных отрядов в Тымовске на стадионе». – «Ну, а кто будет аккомпанировать?» «А вот тут есть с мехмата этот самый, парень, как его, Леня Эрдман». Леня Эрдман, да. И «Архимед» состоялся на кузове автомашины, Канер, ты слушай, в Тымовске на большом районном стадионе, и все это сделал Гапонов под аккомпанемент гитары Лени Эрдмана, который абсолютно гениальный музыкант. Вот он любую мелодию, классическую, какие только были в «Архимеде», играл сходу. Вот Захаров их не может играть сходу, да? Вот Дима Гольцов не может играть их сходу. А Леня Эрдман, это абсолютно музыкальный и гениальный человек, он сходу их играл на гитаре. Но дело в том, что один был маленький нюанс. У нас не было Аполлона. У нас был Гапонов, у нас был Архимед, но не было Аполлона. Вот. Нигде невозможно было найти Аполлона. И был один парень у нас в отряде с таким тоненьким противным голоском, но все-таки это был такой тенор. У него был прекрасный голос такой, и мы его решили. Но он очень стеснялся. Он, наконец, согласился, но перед спектаклем на стадионе он неожиданно хряпнул два стакана водки, чем нас он ужасно огорчил. Мне кажется, он очень стеснялся и для смелости выпил два стакана водки. Когда он вышел на кузов автомобиля, его качало так, как будто автомобиль ехал. А он стоял на месте. А ему казалось, что мы куда-то едем, а вот так он выходил: «Ой-ля-ля!» и замолкал. Мне приходилось петь арии и за него и за Архимеда. Гапонов там рвал и метал.”

Я думаю, что в грузовике мы бы все просто не поместились. Это был деревянный помост на стадионе, открытый со всех четырех сторон. Так что опера исполнялась в традициях какого-то древнего театра, но никак не в архимедовских. Леня Эрдман, ничуть не смущаясь, уселся на краю помоста с гитарой, свесив ноги вниз, и всегда вовремя врубал нужные аккорды. Архимедом был, конечно, Гена Иванов. Я играл Марса, Ира – Венеру, а Гапонов – Бахуса, остальных солистов не помню. Никаких кулис и занавеса не было, так что все прятались за какой-то большой тряпкой, зацепленной за шест в углу помоста. Сказать, что было много накладок – слишком мягко - все действие было сплошной накладкой. Кто-то из новичков на сцене спрашивал, что делать дальше, кто-то начинал вдруг громко хохотать (и это на виду у зрителей!). Генка играл блестяще, невзирая на окружающую обстановку. Когда наступил черед Марса убить Архимеда антимагнитным мечом, то вдруг выяснилось, что меча нет (да его и вообще не было!). Кто-то сунул мне в руки неизвестно откуда взявшийся стартовый пистолет, который к счастью оказался заряженным, поэтому мне не пришлось еще изображать звук выстрела. Гена, как истинный артист, воспринял такой способ убийства без всякого удивления и с блеском допел свою последнюю арию.



Традиционного банкета, конечно, не было (сухой закон!), и мы разъехались по своим отрядам.

В 1970 году по инициативе Юры Гапонова было решено послать на Сахалин отряд на основе оперы «Архимед». Командиром назначили Шурика Холодных. По идее костяк отряда должна была составлять опера «Архимед», но по разным причинам доля оперы в составе не превышала половины. Поэтому отряд был очень разношерстным, и в нем оказалось много незнакомой мне публики. Из оперы были Света Ковалева, Ира Сокольская, Люда Рыбка, Люда Архипова, Коля Стародубцев, **начальник штаба** оперы, назначенный комиссаром отряда, Володя Ковалевский, взявший своего младшего брата Витю, которому не было еще шестнадцати, Женя Ахмедов, Славик Рылов, Миша Мазо, Витя Вольнов и Андрей Харламов.



Опера «Дубинушка» в сольном исполнении Ю.Гапонова в ДК ИАЭ, 1972 г.

**Юрой Гапоновым вместе с С.Семеновым, Г.Ивановым и А.Кессенихом** была написана и готовилась к постановке четвертая опера «Кво вадис» (второе название «Летите голуби»), посвященная государственному распределению. Гапоновым были организованы многочисленные репетиции в гостиных зоны «Б» и в ДК МГУ. Хоры ставила Галя Кольцова, ставшая впоследствии руководителем хорошо известного ансамбля духовного пения. К сожалению, удалось поставить только первое действие (в том же ДК). Вскоре в результате партийных репрессий оперная студия была изгнана из университета «за аполитичность». Но Юра Гапонов сумел сохранить ее и после того, как по решению очередного состава физфаковского парткома (в который входил, по-моему, и Дима Афонин, исполнявший в «Архимеде» роль Бахуса) опера была «выперта» из МГУ, и репетиции в общежитии стали невозможны. Юра сумел приютить студию у себя в ДК ИАЭ, где мы еще долго регулярно собирались и выступали, как в самом ДК, так и на выездах под вывеской коллектива ДК ИАЭ. В «курчатнике» Гапонова хорошо знали и любили. Поэтому наш коллектив, еще в бытность его в МГУ, часто

приглашался в ИАЭ на различные культурные мероприятия. Юра привлек многих архимедовцев к участию в капустнике, посвященном 25-летию «курчатника», в подготовке которого он активно участвовал, и мы выступали на сцене вместе с известными академиками А.П.Александровым, И.К.Кикоиным, Мигдалом, Е.П.Велиховым.

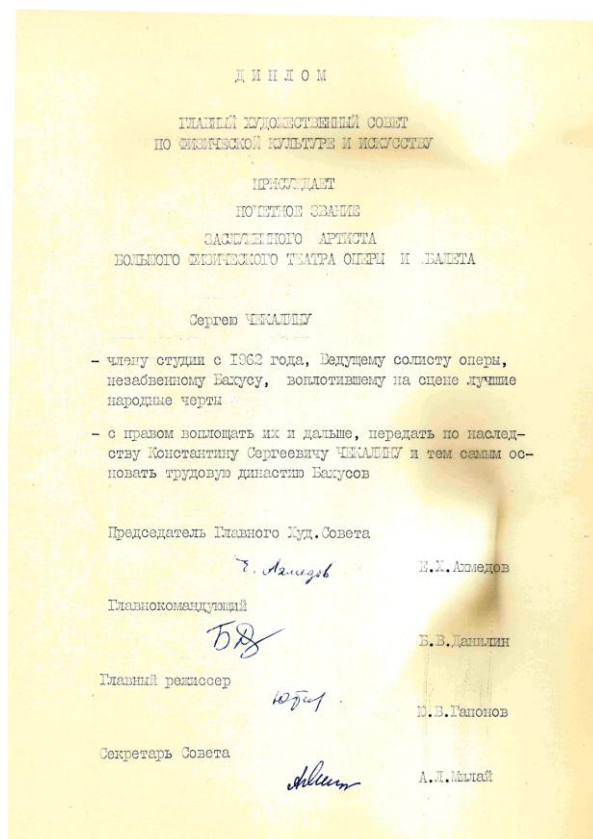
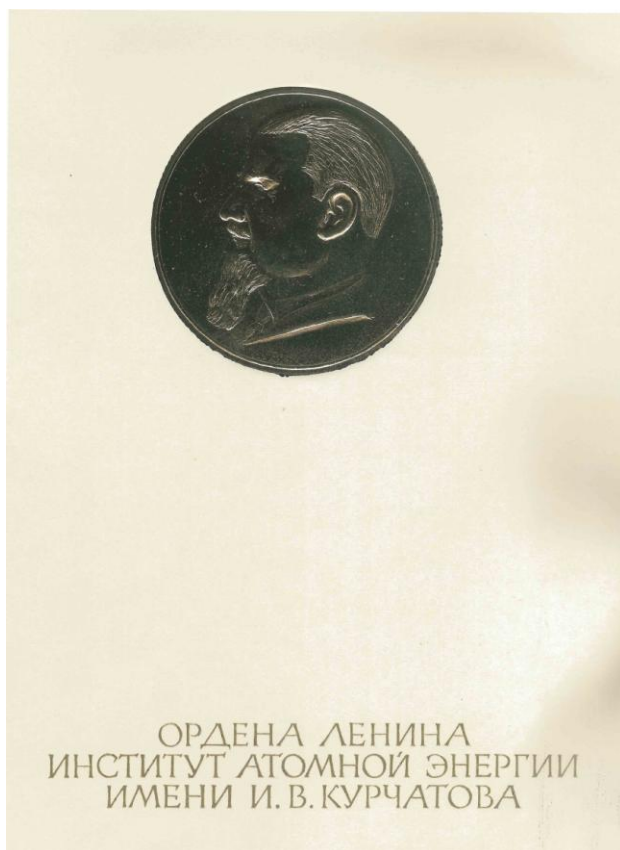
В руководимом Гапоновым творческом образовании ставились все физфаковские оперы, часто дополняемые вновь сочиненными короткими агитбригадовскими опусами и танцами, поставленными Светой Ковалевой. Но львиная доля всех выступлений выпала почему-то на «Архимед». Поэтому коллектив стал называться студией «Архимед». В этот период Гапонов решил повысить свое режиссерское мастерство, и какое-то время занимался на специальных курсах. Одним из положительных результатов этих занятий было, например, то, что Юра перестал на репетициях делать замечания, вопя громко из зала. Он подзывал к себе нужного «артиста» (или подходил к нему сам) и тихо, чтобы остальные не слышали, объяснял, что и как, по его мнению, надо делать, а чего не надо. Ну, и, конечно, выросший класс режиссера Гапонова отчетливо прослеживался в неизменно восторженной реакции зрителей на новые постановки.



Репетиция в ДК ИАЭ, 1994 г,

В опере «Архимед» были убраны несколько сцен («Станем рядом у бревна», одна из двух сценковки антимагнитного меча) и возобновлена ария «Прочла приказ последний деканата...» (не исполнявшаяся в предыдущих постановках), сопровождающаяся добавленным действием, всегда вызывающим бурную реакцию публики. В последнее действие был добавлен танец «Малайка», поставленный С.Ковалевой. Опера шла без досадных пауз между действиями, которые теперь с блеском заполняли различные экзотические танцы Толи Прохорова и Светы Ковалевой в их собственной постановке, Это была пора наивысшего расцвета «физического искусства». Наряду с операми Юра Гапонов

поставил вместе с А.Прохоровым, С.Семеновым и А.Харламовым такие сценические произведения, как «Шизель» (1971) и «Монологи о физике». Все это объединение участвовало в проводимых ежегодно в ДК ИАЭ научными сотрудниками «Днях физика» и получило название Большого Физического Театра Оперы и Балета (БФТОБ). Гапонов пытался даже создать устав оперы, правда, безуспешно. В 1980 году было отмечено 25-летие «физического искусства» (оперы «Дубинушка»). Многим, в том числе и мне, были выданы дипломы «заслуженных артистов БФТОБ».



Получивший известность коллектив пробовали приглашать и в ДК МГУ. Первый раз – уже в 1973 году, но эта попытка оказалась неудачной, т.к. партийное руководство в последний момент дало отмашку «не пускать». Спектакль на этой сцене, такой родной для «Архимеда», состоялся только в 1987 году.

После 1990 года в работе оперы наметился спад, связанный с отходом Гапонова от активной театральной деятельности в пользу чисто научной. Спектаклей практически не было, несколько раз показывалось лишь первое действие «Архимеда» (МГУ 1992, ИАЭ 1993). Лишь в 1996 году опера «Архимед» была показана в ДК МГУ, но, к сожалению, без участия Юры Гапонова. К 70-летнему юбилею Рэма Хохлова спектакль решил поставить один из авторов оперы – Валера Канер. Кое-кого из старого состава он пригласил участвовать, но не позвал ни Ковалеву, ни Иванова даже как зрителей на выступление. Постановка была весьма своеобразной: в спектакле было 2 Архимеда, три Венеры и 2 Бахуса (третьим в списке числился я, но эту роль в той постановке я не играл). Несмотря на очевидный успех и очередное подтверждение основной аксиомы Генки Иванова, что «Архимед» невозможно испортить никаким исполнением, постановка очень не понравилась Генке. После спектакля он даже сказал: «Это смерть оперы!». А Света Ковалева в своей книге «Ты помнишь, физфак» ни слова не написала про эту постановку, что вызвало сильное



неудовольствие Юры Гапонова. На презентации книги он укорил Свету, что вот в книге ничего нет про Канера, в чем был, по-моему, сильно неправ. Во-первых, фото Валеры можно увидеть сразу, как только открываешь книгу (и, как только закрываешь, тоже, только поменьше). Во-вторых, Канер является одним из тех немногих, кому посвящена эта книга. Ну, и написано про него в книге достаточно много, по крайней мере, не меньше, чем в десятке мест. И, наконец, надо помнить, что Валера был человеком достаточно сложным и не всегда легким в общении. Так что личный опыт общения с ним не у всех положительный.



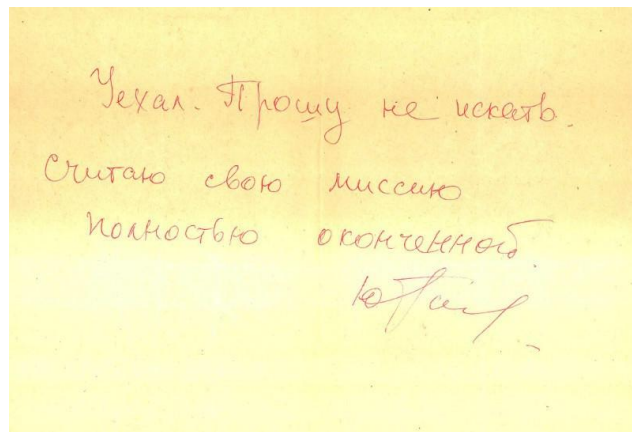
Маэстро Гапонов, ДК ИАЭ 8 декабря 1973 г.

Нельзя сказать, что у Гапонова не было конфликтов с руководимым им коллективом – они, конечно, были. После некоторых Юра объявлял, что уходит их оперы. Андрей Харламов в своей истории Архимеда использовал даже такие обозначения, как «первый уход Гапонова», «второй уход Гапонова» и пр. (об этом



На праздновании 20-летия ССО в ДК ИАЭ, 1978 г.

подробно написано в книге С.Ковалевой), но я, честно говоря, смог вспомнить только одну причину конфликта, **возникшего, в Горьком в 1968 году**. Тогда перед самым выходом на сцену Юре пришло в голову, что при исполнении хора «Полюшко – поле» каждому надо держать в руке металлическую тарелку и пристукивать по ней ложкой в такт музыке («полюшко-по-о-ле» - блям!). Это, естественно, вызвало всеобщее неприятие. С особым сарказмом по этому поводу высказывался Генка. **Кроме того, в одном из двух спектаклей, которые мы давали тогда, не смогла участвовать Люба Богданова, исполнявшая роль Венеры. Несмотря на уговоры Гапонова, она уехала (о чем предупреждала Юру раньше). Юра обиделся и тоже уехал, оставив следующую записку (копию оригинала мне прислал Андрей Харламов).**



Но это, как говорится, такая ничтожная капля дегтя, которая никак не может испортить приятнейших воспоминаний о сотнях выступлений под очень мягким и чутким руководством Гапонова.

Выживший во всех этих перипетиях состав сохранился в основном и по сей день (уже стараниями Светы Ковалевой после того, как Гапонов полностью отстранился от руководства, причем без каких-либо конфликтов). Света смогла собрать коллектив, уже начинавший чахнуть, и возродить постановку «Архимеда» к сорокалетию ее премьеры. Я считаю, что мне очень повезло попасть внутрь этого явления, называемого «Архимедом», в сообщество прошедших через оперу людей, как продолжающих в ней участвовать, так и ушедших, на время или навсегда. И лично для меня кусок жизни, с этим связанный, чрезвычайно весом.



Мне кажется, что не все, так или иначе повязанные с «Архимедом», отдают себе отчет в том, насколько уникально это явление нашей эпохи. И, к сожалению, этот момент, как всегда, будет понят значительно позднее. Но...это отдельная песня.



Встреча на Песи, 1986 г.

Любимым видом отдыха у Юры были байдарочные походы. Очень трудно себе представить возможность случайной встречи байдарочников, но пару раз мы встречались с ним на разных маршрутах. Один раз на Мсте в одной из сотен плывущих по этому маршруту в мае байдарок я вдруг узрел Гапонова. Юра плыл со своей женой Ирой. За время нашего короткого контакта мы смогли переброситься только несколькими фразами. «Да, вот, Ирку решил прокатить!» сказал Юра. Еще раз встретились летом на реке Песь – тогда Юра с командой сидел на берегу, и мы даже смогли сделать коллективное фото. В совместном байдарочном походе мы были лишь однажды – на реке с красивым названием Лидь в Вологодской области в 1986 г. До предполагаемого места отплытия добирались довольно непросто – от Вологды по узкоколейке на небольшом тепловозе без прицепа, где мы с трудом поместились со своими туристскими принадлежностями.

Когда прибыли на место, выяснилось, что речки, долженствующей вытекать из озера, на которое мы спустили байдарки, нет. Не то, чтобы нет совсем – она есть, но поверх воды покрыта толстым слоем растительности, по которому местами можно даже ходить. Наверное, это и называется «трясина». Все были в некоем замешательстве, и мы с Юрой решили взять пустую байдарку и провести на ней разведку – по трясине можно было передвигаться, толкаясь веслами, а местами даже проблескивала вода. Мы спустили байдарку в промоину возле берега и начали в нее усаживаться. Юра как-то неловко шагнул в своих высоких «болотниках» и опрокинул байдарку. Место было довольно глубокое, и нам с трудом удалось ее вытащить. Юра, считавший себя ассом, был очень расстроен своим неуклюжим движением и, отдышавшись, сказал: «Ты только ничего не рассказывай Ирке...». Конечно, я не стал ничего рассказывать. Мы с Юрой благополучно дотолкались тогда до места, откуда можно плыть с командой и грузом, и подыскивали подходящее место для посадки экипажей. После





Юра Гапонов с женой Ирой. Лидь 1987 г.

этого вернулись и перегнали все остальные байдарки – по натеренной трясине они шли гораздо легче. Часть народу, временно пешая, поднесла рюкзаки по какой-то обходной тропе, все загрузились и плыли дальше нормально. Юра плыл с двумя женщинами – Ирой и Галкой Линде, непрерывно им что-то рассказывая. Эти разговоры не стихали и в палатке, и даже у костра во время приготовления пищи – здесь Юра стоял рядом с огнем в классической позе оратора, вещая про современную науку.



На реке Лидь, 1987 г.





На реке Лидь, 1987 г.

Свои 70 и 75-летние юбилеи Юра отмечал, уже не будучи руководителем «Архимеда», но, конечно, с непременным участием всего коллектива оперной студии. Он неизменно присутствовал на многих мероприятиях коллектива (к сожалению, не всегда радостных). Юра продолжал собирать оперу и читал свои воспоминания о первых годах обучения на физфаке, начатые лет тридцать назад.



Собирались на разных квартирах, последний раз – у Тани Мещеряковой. Конечно, по традиции всегда приносили с собой что-нибудь выпить и закусить.



Подарок на 75-летие от Е.Ахмедова, 2009 г

Сам Гапонов практически не пил, поэтому все принесенные запасы обычно складывались на кухне. Писал Юра очень подробно и обстоятельно, поэтому дальше третьего курса не продвинулся. Из-за того, что Юра не просто рассказывал об этих интереснейших событиях, а зачитывал текст, изобилующий многочисленными подробностями и отвлечениями, все изложение получалось несколько тяжеловатым. Привычные к динамичному действию архимедовцы



Гапонов читает свои воспоминания, 2007 г.

время от времени по очереди ускользали на кухню, чтобы там что-нибудь «принять». Гапонов не обращал на это внимания и продолжал с увлечением читать.



«Гапоновские чтения», 2007 г.



Ю.Гапонов с Ирой и Ю.Линде. «Экспромт», 2006 г.

Эти воспоминания опубликованы в нескольких номерах журнала «Вопросы истории естествознания и техники» за 2001 год. Там же дана подробная разборка оперы «Дубинушка» как образца «физического искусства», которому Гапонов посвятил еще несколько последних статей и выступлений.



А.Прохоров и Ю.Гапонов, «Экспромт», 2006 г.

Заканчивая, еще раз возвращаюсь к началу. Я уверен, что все, кто знал Юру Гапонова, могут уверенно подтвердить: да, мы знали молодого Гапонова. И





С.Чекалин, Ю. Гапонов, А.Федосимов и А.Харламов, ДК МГУ, Юбилей агитбригад, 2008 г.

это будет сущей правдой, потому что он сумел оставаться молодым до конца своей жизни.



С.Пистрякова, Ю.Гапонов и С.Щеголькова, ДК МГУ, Юбилей агитбригад,2008 г.